

АНАСТАСИЯ ЗАРЕЦКАЯ

16+

**ДО НЕСКОРОГО,
ОНА ЖЕ**

ЧУВСТВА СИЛЬНЕЕ МАГИИ.

Неприятно познакомиться, ведьма

Анастасия Зарецкая
До нескорого, она же

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Зарецкая А.

До нескорого, она же / А. Зарецкая — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Неприятно познакомиться, ведьма)

"Все самое веселое осталось позади", - думала Яна. Вот только новое приключение началось, едва успело закончиться предыдущее. Возвращается в мир магии тетя Яны, несколько лет назад пережившая трагедию. По улицам бродят загадочные черные колдуны. А шабаши обретают особый интерес, когда на одном из них Яна оказывается втянута в магическую бездну. Эта бездна перемещает ее... и не только ее в необычайный дворец, хранящий много тайн. И Яне придется до них докопаться. Вот только в этот раз все серьезнее. Итак, решай же: кому ты предпочтешь довериться?..Вторая книга трилогии.

Содержание

Глава 1. Последний солнечный луч	5
Глава 2. Сердце требует перемен	18
Глава 3. День дольше века	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1. Последний солнечный луч

Погода была прекрасная. И даже солнце, просвечивающее через желтые листья берез под окном, нервировало не слишком сильно. Возможно, потому, что уже уходило за горизонт.

Близился закат.

А закаты в конце сентября, определенно, наступают раньше, чем в июле.

Да и отражение в зеркале нельзя было назвать таким уж плохим. Каштановые кудри, обрамляющие лицо. Изящные стрелки на глазах, кажущихся совсем-совсем зелеными, колдовскими. Черная паутина рукавов, через которые просвечивает по-осеннему бледная кожа рук. Подчеркивающая фигуру юбка-колокол.

Готическая принцесса, черная королева, расхитительница сердец, ну-куда-деваться – и это все я.

Хотя, если честно, выглядела я не так хорошо, как хотелось бы. Кудри казались потрепанными, будто я пробежала километра два, а для меня пробежать два километра – настоящий подвиг. Над стрелками я сидела почти целый час, многократно стирая и рисуя новые, но изящества им так и не придала. Ну, зато настоящий смоки айс получился – черные круги вокруг глаз, как у панды. А сами глаза, может, и зеленые, но несчастные такие, что жуть!

Но платье красивое, конечно. Не зря же оно у меня целый год в шкафу висело – некуда было надеть, все достойный повод не выпадал. Черное... С высоким горлом, юбкой до колен. И кружевом, действительно похожим на паутину, что вторым слоем покрывает грудь, спину и юбку, и первым – руки.

Если смотреть издали и в сумерках, которые скоро установятся, то вполне неплохо.

Да.

Так я и решила.

А потом перестала глядеть на себя в зеркало и обратила внимание на часы. Шесть с лишним! Не то чтобы я сильно опаздывала, но собираться начала в четыре...

Мероприятие, к которому я так готовилась, начиналось в семь.

Идти до места его проведения – минут двадцать пять. А если на каблуках, то все сорок. Проблема, пожалуй, заключалась в том, что как раз на каблуках идти я и собираюсь...

Что только не делает шабаш с ведьмами!..

Держа голову прямо – мало ли, вдруг прическа еще больше растреплется? – я проскользнула в свою комнату, взяла темно-фиолетовую сумку, закинула в нее мобильник. Чуть-чуть опустила голову, чтобы взглянуть на клетку с Хомячидзе. Бедняга спал, поэтому попрощаться с ним я не стала. И домовой молчал тоже. Чтобы не разбудить ненароком кого-нибудь из них, тихо прошла в коридор.

А вот и они – мои несчастные туфли! Из черной замши, с устойчивыми каблуками. Они, в отличие от платья, пролежали новенькими всего лишь полтора месяца. Я купила их, чтобы идти на мое последнее школьное первое сентября. Но первого сентября стояла такая слякоть, что пришлось идти в ботинках.

Зато сегодня было сухо и тепло. Едва ли не бабье лето. Красота!.. Хотя пальто надевать все же пришлось. Но пальто у меня было под цвет сумки, и я не стала его застегивать, поэтому красота все-таки свершилась.

Первая туфелька, вторая... И вот пол стал на десять сантиметров ниже. И дверной косяк опустился. Я в него, конечно, не врежусь, но... но.

Стуча каблуками на весь свет, я вышла из квартиры, замкнула ее и отправилась вызывать лифт. Иногда я хожу по лестнице. Но мне ещё в этой жутко неудобной обуви придется столько пройти, что пока можно отдохнуть.

А ведь начиналось все хорошо.

Вот сейчас вспомню какой-нибудь хороший момент из своей жизни и скажу, что все началось именно с него.

Ритуал по вызову демона – мимо. Устранение результата этого ритуала – тоже. Ссора (и не только) с Владом, товарищество с белым магом, пропажа тети...

Лифт остановился, а хороший момент на ум так и не пришел.

Избирательная штука – людская память! У нормальных людей отсеивает все плохое, оставляя только приятные воспоминания. У меня наоборот.

В общем, началось все как обычно. С косяка – увы, не дверного.

Началось, едва-едва успев закончиться, одним далеким летним днем. Гораздо более теплым, чем этот.

Я благоразумно пряталась от отца в поле с иван-чаем. И параллельно успела посидеть на пикнике вместе с Яром, белым магом, моим вечным врагом, оказавшим неожиданную помощь в решении моей маленькой проблемы. Именно победу над решением этой проблемы мы и отметили, хотя и встретились (я надеюсь) случайно. А потом белый маг уехал, попрощавшись со мной на короткий период. Думал, что мы уже на следующий день встретимся, дурачок.

Не встретились больше ни разу, но не о том речь.

Ярослав уехал. А я осталась одна.

Но ненадолго. Позвонил отец, откуда-то узнавший, как я провожу время – и зачем, спрашивается, пряталась изо всех сил? И сказал, что исчезла тетя.

И что в доме ещё остались следы черной магии.

Крошечные, но следы.

Казалось бы, удивляться нечему. Особенно если учесть, что у меня отец – черный колдун, да и сама я... ведьма. Но почти десять лет назад с тетей случилась трагедия – она стала жертвой перешедших грань. Они забрали почти всю ее душу – и, следовательно, магию.

А мы, те, кто всю жизнь пользуется этой магией, не можем жить без нее. Вернее, не так. Жить-то мы можем, но что это будет за жизнь? Не жизнь, существование... Отец вот ставил надо мной эксперименты этим летом. И без магии я просуществовала двое суток. В деревне у тети. Смешно, конечно, звучит, но мне было грустно.

Тетя жила без магии все эти десять лет.

И даже не помнила о том, что когда-то обладала ей.

Память о магии стер ей отец.

Потому что моя тетя, такая талантливая, отдавшая всю жизнь магии, даже существовать без нее не смогла бы. Такой я помнила ее.

Но случилось непоправимое.

Обстоятельства сложились так, что тетя обо всем вспомнила.

И в это время у нее гостила и всю колдовала я. И в доме, и вне. Что поделывать... У меня шла борьба с той самой проблемой, почти нечистью, немного демоном – в общем, существом, созданном мной же, – и некоторыми особенно активными приятелями, вдруг воспылавшими к несчастной ведьме чувствами.

Ладно, приятель был такой один, и это тоже уже совсем другая история.

Тогда, тем теплым летним днем, я вскочила на велосипед и помчалась к месту происшествия. Ноги горели – жуть! Такой вот уж я человек неспортивный... Раз в неделю побегаю как ненормальная или вот со всей дури на велосипеде покатаюсь, а потом отхожу. Дорога ещё стало внезапно кривой-косой, трава скользила. Один раз я упала, два раза – почти, удержавшись на последней секунде.

Я подъехала к дому тети вся вспотевшая и с бешеными глазами. Увидела бы меня та же Оля, моя бывшая деревенская подруга, от злорадства бы до небес прыгала. Но не увидела. В одиночестве я примчалась к дому, одна же в него зашла, бросив велосипед на улице.

Украдут так украдут. Думала о чем-то в таком духе. Мысли занимало сейчас нечто совершенно иное.

Я попросту не могла не волноваться.

Тетя без магии. Я с магией. Даже так: только я с магией возле тети, забывшей о магии. Тут даже рассуждать не надо. И без того все понятно. Я ей помогла.

Но как?..

Потом узнала.

Но тогда я входила в дом абсолютно растерянная и запутавшаяся. Ступила на веранду – тихо. Входная дверь незапертая. Вошла внутрь, прошла по коридору, заглянула в зал. Никого не было. Прошла на кухню – пустота. В туалет решила не смотреть – не стал бы ведь взрослый мужчина прятаться от дочери в туалете? Это только я так могу.

Повернула голову направо – напротив кухни располагалась детская Пашки, тетиного сына.

И именно в ней я нашла отца с двоюродным братцем там.

Пашка, сидя на ковре, сосредоточенно разглядывал яркую книжную иллюстрацию. И правда масштабная была картинка, что таить... И расстроившимся братец не выглядел совсем. Пашка как Пашка... Зато нахмуренный отец печатал что-то в смартфоне, устроившись на детском стульчике. И даже так не выглядел смешным.

Я сделала шаг им навстречу, и тогда оба они подняли глаза.

Отец ничего не сказал. Он вообще редко что-то говорит, если это не касается моего ужасного поведения. А Пашка, отложив книжку в сторону, побежал в мою сторону. Смутившись, остановился за шаг до меня, поднял серьезные глаза – он у меня всегда такой – и произнес:

– А мы поедем смотреть твоего хомяка.

– Да? – уточнила я рассеянно.

– Да, – Пашка кивнул. – Мама так сказала. Она ушла на работу и сказала мне ждать дядю Лешу. И что потом мы поедем к вам в гости.

– Ладно...

– А его ведь зовут Хомячидзе?

Похоже, кличка моего домашнего зверя волновала ребенка куда больше, чем пропажа матери.

Тогда я осознала: Пашка и не понимал ещё, что она пропала. Да и у тети профессия была такая – педиатр... То дежурство, то кто-то в декрет ушел или на пенсию, то ещё что-то. Поэтому тетя часто уходила на работу вне рабочего времени. И Пашка к этому привык.

Наверное, мое молчание было слишком затянутым, потому что Пашка продолжил:

– Жалко, конечно, что мама не увидит твоего хомяка... Ну мы потом вместе к вам съездим.

– Да, да, – отозвалась я. – Обязательно.

Отец не выдержал. Поднялся со стульчика – тот даже не скрипнул, – и подошел к Пашке. Такой внушительный рядом с несчастным ребенком – жуть! Я, конечно, не несчастный ребенок и рост у меня нормальный, но тоже неуютно себя почувствовала.

А потом отец произнес:

– Перелистни страницу и посчитай все звезды. А мы с Яной пока поговорим.

– Про хомяка?

– Про все, кроме него.

Пашка кивнул:

– Тогда неинтересно. А сколько их там должно быть? Хотя бы примерно...

Всегда восхищаюсь отцом в этом плане. Вот так заставить кого-то работать – это ведь надо иметь особый талант. Звезды, говорит, посчитай. А я пока посчитаю Янины просчеты.

Отец вышел в коридор, и я за ним. Прошла на кухню, заняла свое любимое место – спиной к окну. Посмотрела на Пашку – тот, словив мой взгляд, поднял голову и улыбнулся, но потом вновь занялся работой.

Рядом пристроился стул, на этот раз нормального размера. А стулья, как известно, самовольно не двигаются... Если перед этим с ними не поработали белые маги, конечно. Отец склонился ко мне и произнес тихо:

– Ну?

– Что – ну? – не выдержала я.

Взглянула отцу в глаза – серо-зеленые, почти полная копия моих. Глаза молчали. Тонкие губы оставались неподвижными. Но уже через две секунды (я правда считала) отец спросил:

– Что ты думаешь по этому поводу? Ты же у нас любишь участвовать в магических расследованиях.

– А какое заклинание использовала тетя? – ускользнула от ответа я.

– Искру.

– Всего лишь искру?

Искра – это как мой любимый фонарик на ладони, но не совсем он. Если душу, использованную для фонарика, можно вернуть обратно, то искра отсоединяется и становится невозвратимой.

Для искры, что сможет неотрывно светить несколько лет, достаточно мельчайшего клочка души, ведь души сияют ярче любых звезд. И душой одного человека – или мага, в данном случае, можно осыпать все беззвездное небо так, чтобы никто даже предположить не мог, что звезд на нем когда-то не было.

Поэтому я и удивилась.

Всего лишь искра.

– Что ты хочешь ещё? Вызов демона? – отец поднял голову, будто хотел смотреть на все угодно, кроме собственной глупой дочери. – Искра и без того захватила достаточную часть ее души, которой, как ты можешь понять, осталось совсем мало. И даже один поступок, на который ты, не жалея, отдаешь свою душу, способен полностью опустошить Наташину.

Я кивнула.

Стало страшно. Лишь на мгновение. Я зажмурилась, чтобы потом ясно посмотреть на отца:

– Искать. Надо искать.

– Найти не проблема. Тем более, в том случае, если Наташа не заручится помощью кого-то более сильного. Предупредить... Память вернулась, а с ней вернулись знания о том, к чему приводит опустошение души. Проблема в другом.

И отец замолчал.

Разве я могла вытерпеть?

– В чем?

– Примет ли Наташа нас, – ответил отец холодным тоном.

– А может не принять? – легкомысленно удивилась я.

– Десять лет твоя тетя жила, лишённая дела всей своей жизни. И даже понятия не имела, что оно было, – отозвался отец, вставая из-за стола. – Если бы я сделал подобное над тобой, ты бы приняла меня после такого?

Я поежилась:

– Звучит как угроза.

И на ум, как назло, сразу пришла матушка. А ее – после такого?.. Я тут же постаралась выгнать мысли о матери из головы, и не знаю, получилось ли бы это, если бы не окружающие.

– Итак, Павел! – провозгласил отец как-то совсем по-другому, не так, как говорил со мной сейчас. Я вздрогнула – таким чужим показался этот голос. И родным в то же время. О

да, когда-то и Яне было шесть лет. И когда-то ей говорили про «итак». – Ты готов отправиться в путешествие?

– К хомяку-у-у! – воскликнул Пашка, вскакивая с кровати – книжка тут же оказалась в стороне. – Всегда готов, капитан!

– Плохо верится, юнга, – съехидничал отец. – Ты снарядил свой чемодан? На далеком острове, куда мы отправимся, нет одежды для юнг.

Пашка подхватил рюкзак, стоящий возле кровати, и радостно его продемонстрировал:

– Здесь все, что мне нужно, капитан!

– Отлично приготовился. Но перед тем, как сгрузить твои вещи на наш корабль, ответить: сколько звезд ты насчитал на той картинке?

И, благодаря такому закономерному вопросу, в этом странном мужчине я отца и признала.

Не выдержав, рассмеялась. Наверное, это было нервное. Очень уж насыщенным вышел денек, при том что в то время только наступал полдень. Пашка рассмеялся вместе со мной. Но количество насчитанных звезд все же назвал – ну а попробуй не ответить на вопрос моего отца! Отец поверил ему на слово и проверять не стал. Пашка взгромоздил рюкзак на спину, и вот счастливые племянник и дядя даже как будто куда-то ушли, как меня осенило:

– А мои вещи?

Отец обернулся, взглянул на меня и ответил равнодушно:

– Собирайся, Яна. Давно пора было.

– Мы будем ждать тебя! – добавил Пашка. – Но все равно пошевелись, этот... кок.

Я возмущенно посмотрела на него. Пашка добавил невинно:

– Ну ведь кто ещё будет готовить нам и хомяку еду?

– О да, – только и сказала я. – Точно. – И пробормотала себе под нос: – Вы, юнга, какую кашу больше любите: рисовую или геркулесовую? А вот придется полюбить.

И пошла собираться – что ещё оставалось? Скидала свободно лежащие вещи в спортивную сумку к другим вещам. Туда же попыталась запихать сумку парадно-выходную, с которой когда-то приезжала к тете. Но не получилось, как ни старалась. Поэтому вышла я в коридор, обвешанная сумками.

В прихожей никого не было. А я не так уж долго собиралась, между прочим! Минут десять. Или пятнадцать. Или... Положила сумки на пуфик, обулась и вышла на улицу.

Отец с Пашкой крутились около машины, ведя о чем-то серьезные беседы.

– А дом кто будет закрывать? – поинтересовалась я, выглядывая из-за калитки.

– Ключи лежат в прихожей, – ответил отец. – Замкни сама и приходи к нам.

– Прояви свою сообразительность, кок! – не постеснялся заметить Пашка. Я грозно посмотрела на него, повторяя себе: «Только без молний в глазах». Душа – она такая... Может и в глазах отразиться. – Наш корабль вот-вот отчалит.

– Пожалуйста, – не вытерпела я. – Уезжайте. А я останусь на необитаемом острове и буду варить кашу сама себе. И плакать.

Кажется, Пашка все же смутился:

– Почему же плакать?

– Тосковать, – ответила честно. – Из-за одиночества. Ждите, в общем, тут.

И скрылась за воротами, пока они не продолжили свои странные ролевые игры.

Ключ в прихожей и правда лежал – на одной из полок гардеробной. Ну и кто так складывает ключи?... Их же стащить с этого видного места – дело трех секунд. Я, правда, заметила ключи только после того, как меня в них ткнули носом, и все-таки... Кому надо, тот найдет быстрее.

А я не знала, надо ли мне все это или нет.

Несмотря на беззаботность, с которой общались отец и Пашка, и мои попытки изобразить нечто похожее, наши с отцом мысли занимал куда более важный вопрос.

«Примет ли?..»

Должна. Хотя бы ради сына.

Ключ все же оказался в моих цепких лапках. Чтобы случайно не уронить его под шкаф, а я такое могу, я крепко сжала кулак, чувствуя прикосновение ребристой поверхности к коже. Не спала... Вновь повесила на себя сумки и вышла из дома.

Два оборота – и дом опустел.

Когда же он вновь наполнится голосами? И наполнится ли?..

Кто будет заботиться о цветах? Их у тети так много... А соседей, что придут, чтобы поухаживать за цветами, нет. Тетя попросту не успела бы никого предупредить.

А о тете? Кто будет заботиться о ней? И будет ли она тосковать – из-за одиночества?..

Когда я вернулась к отцу и братцу, они уже сидели в машине. Все самой, все самой... Открыла багажник – благо, машина у отца была хорошая, а поэтому багажник открывался легко, кинула в него объемную сумку. А потом распахнула заднюю дверь и заглянула внутрь.

– О, Яна! Ты со мной? – воскликнул Пашка. Все как нужно: детское сидение с ремнями... Вот только откуда оно у нас? Впрочем, мало ли, что поменялось в машине, за те полгода, что я на ней не ездила.

– А с кем же ещё...

– С дядей Лешей...

– Дядя Леша справится как-нибудь сам, – заметила, забираясь внутрь. – Пусть по компасу ориентируется. А мы посидим с тобой.

– Не забудь пристегнуться, – произнес отец с переднего сидения.

Я потянулась к ремню – на этот раз села так, что он оказался справа, хотя обычно я предпочитаю сидеть на левом сидении, – и заметила:

– Точно. А я уже и отвыкла. В автобусах ведь нет ремней.

Отец посмотрел на меня через зеркало заднего вида – я встретилась взглядом с отражением его глаз и отвернулась. И не хотела я ни на что намекать... Ну, может, только если совсем немного. Да и что на правду обижаться? Я в автобусах по несколько раз в неделю езжу, а в машине не сидела уже с зимы. То есть, в отцовской машине. Помнится, несколько дней назад один приятель моего беломагического врага любезно согласился подбросить одну дуру с букетом иван-чая.

На мгновение показалось, что все это было невероятно давно.

И мы поехали домой, почти ни о чем не разговаривая. Включили радио: по нему крутили популярные песни, многие из которых я слышала впервые. Пашка раза три восхитился окружающими пейзажами. Ведь и правда было, чем восхититься. Луга кипариса, засеянные злаковыми культурами поля, леса, пригородные дачи – и мы прибыли в город.

А уже там – наш дом высоко над землей. Как Пашка радовался езде в лифте – надо было видеть. Это и понятно. Пашка катался на лифте даже реже, чем я на машине.

Мы вошли в квартиру, и отец кивнул мне, мол, отвлеки ребенка, пока я немного... приберусь.

А я, елка-Янка, нагромождённая сумками – Пашка, скромный мальчик, мне и свою скинул – кивнула в ответ. И мы пошли. Я – медленно, а Пашка – подпрыгивая.

Чем отвлечь ребенка, что целое утро твердил про то, как хочет увидеть Хомячидзе-а-его-правда-так-зовут-Яны?

Когда мы попали в коридор с клеткой и Пашка, пища от восторга, побежал смотреть хомячка, я непроизвольно взглянула направо. На кухне было тихо. Домовой притаился. И не потому, что в доме появился маленький ребенок – черномагическая книжка клялась, что детей

домовые любят. Домовой испугался отца. Он его всегда боится и молчит, хотя о проживании домового отец прекрасно осведомлен.

Совсем, бедняга, загрустил тут, в компании зловещего черного колдуна...

Я вошла в комнату, скинула сумки и подошла к Пашке.

Братец сидел на нагретом солнцем полу и восхищенно смотрел через прутья клетки. А Хомячидзе, умный мальчик, шуршал у себя в домике, не спеша попадаться на глаза. Наверное, он к детям, в отличие от домового, относится с опаской.

Зато дети любят его!

Я села рядом с Пашкой, склонилась над клеткой и произнесла ласково:

– Хомячидзе, появьись... Мальчи-и-ик...

На этом самом моменте мозги у мальчика закончились. Он, соскучившийся по блудной хозяйке, высунул нос из убежища, а после появился сам.

Больше Пашке ничего не требовалось. И даже каша.

Наверное, не нужно упоминать, что те три дня, пока Пашка жил у нас, хомяка кормил именно он. И что отец зря прятал что бы то ни было, потому что братец поселился в коридоре. Ладно, ладно, справедливости ради замечу, что спал он у меня в комнате, на моей кровати, пока я покоряла надувной матрац, а ещё мы два раза ходили гулять...

Но все равно Хомячидзе получил такую дозу внимания, что запомнил ее на всю жизнь. Определенно. Выслушал много интересных сказок, сто раз оббежал квартиру в специальном шаре и пару раз цапнул меня за палец, будто хотел отомстить. Причем Пашке навредить он даже не попытался.

А утром третьего дня нам позвонила тетя.

Даже не так. Тетя позвонила мне! И я, не веря своим глазам, ответила только спустя минуту.

– Яна? – уточнила тетя тихим, задумчивым голосом.

– Я. Тетя... Привет...

Прозвучало странно, согласна. Но у меня было оправдание – я растерялась. А кто в такой ситуации не растеряется?

Когда произошел звонок, Пашка обучал хомяка таблице умножения, а я пыталась сварить суп. Нет, на самом деле, супы я варю неплохо. Только редко. Раза три в год. Хотя чего там не уметь? Покрошил все, что в холодильнике найдется: картошка, морковь, говядина из жестяной банки, укроп, фасоль, и, о, грибы какие-то... А потом кидаешь по очереди. Элементарно.

Проблема тетиного звонка заключалась в том, что Пашка мог услышать то, что не надо. Поэтому я, на время отключив плиту, дошла до зала, он же – кабинет отца. У нас там был балкон. Хороший такой, незастекленный. Прямоком с седьмого этажа – и вниз, огненной стрелой. Или хотя бы каштановой.

Я быстро забежала на балкон, закрыла за собой стеклянную дверь и только потом поняла, что тетя молчит.

– Тетя? – повторила я.

– Да, Яна, да... – отозвалась она. – Прости. Я слушала Пашин голос. Как он там?

– Пашка? Хорошо, – я хмыкнула, но внутри почему-то стало тоскливо. Тетя любила Пашку. Она о нем беспокоилась. Кто бы меня так любил, кто?.. – Он подружился с моим хомяком.

– Скучает? – спросила тетя тихо.

– Спрашивает, – призналась я.

– Я скоро буду. Я подъеду к вашему дому. Сможешь ли ты спуститься с ним вниз?

– Смогу, конечно, – я кивнула, хотя тетя этого не видела. И на всякий случай уточнила: –

Но ты и сама можешь подняться к нам. Отца дома нет.

– А вдруг все спрятано недостаточно хорошо? – полюбопытствовала тетя. Она поняла. Она все поняла. Все наши уловки и секреты... Часть жизни – главная ее составляющая – открылась, и теперь для тети секретов не было. – Все же я погощу у вас позже.

– Прости...

Я набрала побольше воздуха в легкие. Что там у нас происходит при возбуждении симпатического отдела вегетативной нервной системы? Учащение работы сердца, сужение кровеносных сосудов, расширение зрачка... И перистальтика кишечника.

Желудок заурчал.

Кажется, это было оно, то самое. Или голод.

Но ведь я должна была спросить, ведь так?..

– Как ты, тетя?

– Хорошо, – ответила она, не задумываясь. – Все так, как должно. И тебе незачем извиняться. Я все понимаю. Я бы на вашем месте поступила так же.

– Боюсь, я в этом участия не принимала. Мне тогда было лет семь...

Тетя рассмеялась, но смех ее вышел натянутым.

– Это точно. Леша решил все сам. Что же, я не обижаюсь на него... Всегда, прежде чем обидеться, надо вспомнить, за что ты благодарна этому миру.

– Тебе было страшно? – спросила вдруг я.

– Да, – ответила тетя медленно. Ее голос помрачнел. – Да, Яна, мне было страшно. Но все уже позади.

– Точно...

– Я напишу тебе, когда подъеду. Договорились?

– Да, – согласилась я.

– И не звони мне, пожалуйста, – предупредила напоследок тетя. – Я сама буду звонить вам, Яна. Обязательно.

... Вот так все и началось, едва завершившись. Тетя приехала за Пашкой спустя полтора часа, и мы с ней обменялись лишь взглядами. Пашка и тетя вернулись в свой деревенский дом... правда, теперь братец появлялся у нас часто, очень часто – проводил почти половину всего времени. И таки попробовал Янин чудо-суп. Ребенку творение понравилось. А вот отец даже смотреть в сторону моего кулинарного шедевра отказался.

Тетя звонила мне, чтобы поинтересоваться моими делами, но никогда не рассказывала о своих. Кажется, о каких-то из них догадывался отец, но ведь из него тем более не вытянешь ни слова.

Меня снова принимали за маленькую девочку, которой не стоит ничего говорить. Не поймет.

Так – недомолвками, секретами и хомяком, который знал, сколько будет «семь» на «восемь» – и закончилось лето.

Осень подкралась незаметно, принеся вместе с собой школьные хлопоты. Тут «семь» на «восемь» все не обошлось. Это одиннадцатый класс, а не первый, со всякими «пи э эн эн э зэт» на математике. И непобедимыми ударениями и сочинениям на русском. А биологию я, считавшая себя знатоком, писала не больше, чем на семьдесят баллов. Ладно, уж лучше математики, максимум по которым стало всего сорок пять. А уж что про русский говорить...

Слишком животрепещущая тема. На нее я могу вечно жаловаться.

Хотя некоторые считают, что колдунам не присущи обычные людские проблемы. Нет, нет. К обычным людским проблемам у нас прибавляются и магические, поэтому мы загружены вдвойне. Да, опять жалуюсь...

Ведьма Яна хотела сдать три экзамена хотя бы на двести баллов и поступить на биологический факультет.

Согласна, что такие признания обычно произносят в каком-нибудь анонимном клубе алкоголиков. Тем более, что черные колдуны идут учиться обычно в немного другие места. Но что я могла с собой поделывать?

Череду школьных будней разбавило заявление тети, прозвучавшее несколько дней назад. Она созывала шабаш, на котором собиралась официально объявить о своем возвращении и рассказать, что думает делать дальше. Каждому уважающему себя черному колдуну (читай: имеющему магпочту) пришло на него приглашение, и сейчас все они (которые это приглашение заметили) спешили на сборище.

Как нетрудно догадаться, я была в их числе.

Но, возможно, одна только я додумалась идти до нашего черномагического замка пешком на высоких каблуках – вероятность встретить такую же рисковую, мне кажется, мала.

На самом деле, черных колдунов в нашем городе не так много, как можно подумать. Если посчитать всех... даже тех, кто не приобрел себе магпочту или попросту ее не проверил, нас наберется человек шестьсот-семьсот. Точно меньше тысячи. Просто потому, что черных колдунов изначально было мало и рождаются они редко. Зато носителей одного рецессивного гена, может, найдется тысячи три. В последнее столетие нравы совсем испортились: теперь черные колдуны предпочитают заводить отношения с простыми людьми. Уж не знаю, какие у этого причины – могу только предполагать.

По моим подсчетам, на шабаше будет примерно половина из нас. Или даже чуть меньше.

Но Вика, моя одноклассница, точно найдется. Она об этом сегодня мне сама сказала, уже после школы. Очень уж, говорит, ее заинтересовала история моей тети. Я, конечно, ответила что-то ехидное, не подавая виду, что слова Вики меня зацепили, но весь день мысленно к ним возвращалась.

Моя тетя.

И правда.

И, хотя я снова останусь в ее тени, кое-какой вес на шабаше моя персона иметь будет. И Вика мне об этом ещё обязательно напомнит. Нам с ней ужасно повезло (или не повезло, с какой стороны посмотреть) оказаться в одном классе. Логично, что шанс для этого был мизерный. Но уже с первого класса мы с Викой тусуемся вместе.

Ну, как тусуемся...

Иногда она на меня смотрит. Раз в два месяца что-то говорит. Или вот о шабаше интересуется, как сегодня. Правда, когда рядом со мной оказывается Влад (а такое случалось раз шесть за всю школьную пору), внимание Вики начинает прямо-таки зашкаливать. Ещё бы. Черный колдун, весь такой высокий и красивый – рядом со мной.

Парадокс.

Если бы Вика узнала, как у нас с Владом все неоднозначно, я бы тут же стала центром ее системы мира. А пока... Ну, как-то так и живем.

Как-то так.

Я споткнулась о камешек и айкнула. Надо меньше думать обо всем подряд, особенно о всякой чепухе, а больше смотреть под ноги. Были бы туфли кожаными, уже бы покарябала. Ну и кто ходит так – так неосторожно и так... медленно?.. Я достала мобильник, ужаснулась и ускорила шаг.

Шабаш, шабаш, шабаш.

Колдовское слово.

Чарующее.

Даже сейчас, когда магия верно утрачивает свой вес в обществе, когда скептиков становится все больше, когда близится нечто, что все либо разрушит, либо укрепит...

Со временем многое поменялось.

И сейчас на шабаше собираются не только ведьмы, но и колдуны, представители мужского пола.

Хотя я точно знаю, что отец сегодня не придет. А у Влада я не спрашивала. Я сейчас у него вообще редко что бы то ни было спрашиваю. Самостоятельно возвела стену между нами. Но поводом для этого послужило что? Верно, прозвучавшее летним деньком признание.

Влад меня... относится ко мне с равнодушием.

С ума сойти!..

Как начинаю об этом думать, так сама себе же не верю. Но так оно и есть. Так он сам мне написал. Но вслух продублировать не решился. Что ещё раз доказывало.

И я решила все заморозить. Попросту не знала, как реагировать. В любви мне признавались впервые...

Так, шабаш.

Уже скоро. Скоро появится старинный особнячок, непонятным образом затерявшийся среди многоэтажек. Что-то вроде элитного ресторана. В нормальные дни там и правда заседают всякие богатые люди, хотя изначально здание возводилось для того, чтобы в нем заседали мы. Но даже черные колдуны двадцать первого века не против поднакопить денег. Сдают вот.

Я на секунду остановилась, чтобы отдышаться. Достала из сумки карманное зеркальце, взглянула на свое отражение. А за мной – кусочек красноватого тумана на синеем небе, шум машин и голоса людей, начинающие загораться огни...

Отвлекаюсь. Глаза на месте, стрелки... лучше не приглядываться. Кудри распушились. Ну точно ведьма, летящая на шабаш. Со вздохом захлопнула крышечку, чтобы совершить последний рывок.

Недалеко ушла.

Уйдешь тут далеко. С такими-то открытиями...

Честно говоря, сначала я не поверила своим глазам. Но ведь они не могли меня подвести? Я только что проверяла, с ними все было в порядке. Ну, кроме макияжа. Видели они пока нормально.

Я подходила к очередному повороту, а он выходил из-за него.

Он...

Не Влад и не отец, о которых я только что вспоминала. А тот, другой. С которым я не виделась уже больше двух месяцев. Тот, с кем не попрощалась толком.

Это действительно был он.

Яр.

Хоть и спрятал свой огонек, дурачок, но я-то его узнала. Я его всегда узнаю. Ещё бы: эти волосы, вроде как светлые, но темнее, чем принято у блондинов, слегка длинноватые, а потому тронутые волной. Это челка дурацкая, скинутая набок... Только вот рубашка спряталась под полами укороченного пальто.

Тоже пальтишки предпочитает...

Мы встретились взглядом – голубое небо и сталь против моих, покрашенных. Я за мгновение успела подумать, что он меня, всю такую красивую, не узнает, и шагнула вперед, стремясь оставить Яра за спиной.

Но и я не осталась неопознанной.

Я почти повернула за дом, как за спиной прозвучало:

– Яна!

Зараза. Это ж надо было так не вовремя вспомнить мое имя! Я подумала притвориться, что ничего не слышу и вообще успела переименоваться, но... но это был Яр, а он не отстанет, я-то знаю.

Я остановилась и обернулась.

Он, стоя на расстоянии пары шагов, смотрел на меня как-то совсем по-взрослому и улыбался. Я взглянула в ответ, чуть кивнула:

– Слушаю.

– Привет, – сказал Яр просто.

И какая это была картина! Приближающиеся сумерки, гаснущий закат, отпечатки тьмы на всем вокруг – и эту вьедливую тьму неспособно согнать побежденное солнце. Несмолкающий шум – машины, голоса – вокруг. И Яр в этом своем сером пальто около угла серой стены дома. Но стена светлее, справедливости ради... И вот стоит он и ждет. Не понимает только, что лето уже закончилось, и закаты теперь наступают раньше, и ветер уже холодный, а не освежающий, как летом.

Все поменялось.

И даже я поменялась, хотя и незначительно. А Яр? Что произошло за эти два месяца с ним?

– Привет, – я кивнула.

Несколько секунд мы стояли молча.

– Как поживаешь? – полюбопытствовал маг. Сделал шаг вперед. Но я смотрела прямо, не поднимая головы. Почти одного роста стали, стоило мне только надеть каблук...

– Как всегда... – отозвалась я. – Ритуалы больше не провожу. – Чуть склонила голову и прищурилась: – С прошедшим, совершеннолетний.

– Можно без «летнего», – улыбка стала шире. – Я и не думал, что ты запомнила.

– У меня на всякую чепуху хорошую память, – я подмигнула. – Думаю, день рождения какого-то там мага можно считать чепухой.

– Теперь я и сам вижу, что как всегда. – Он потянулся к моему лицу, откинул назад кудрявую прядь, пояснил: – Выпала из общей картины. А ты что такая... – Яр неопределенно махнул руками. – Куда-то идешь?

– Может быть, и иду. Может быть, возвращаюсь. А что?

– Возвращаться ты не можешь, – начал рассуждать Яр. – Потому что рядом с тобой нет Влада. Так что, следуя соображениям элементарной логики, все ещё только впереди.

– Что – все? – переспросила я. – И при чем тут Влад?

Яр возвел глаза к небу и пояснил:

– Ты так выглядишь...

– Необычно, – подсказала я.

– Примерно, – Яр кивнул. – Обычно девушки так ходят на свидания. Кандидат для твоих свиданий – Влад. Значит, ты идешь к нему. Как тебе логика?

Я покачала головой:

– Одного не учел. Что я не вписываюсь в рамки «обычного».

На телефон пришло оповещение, и я, не дожидаясь разрешения собеседника, взяла мобильник из сумки. Пришедшее сообщение даже читать не стала – хотел что-то чрезвычайно важное сообщить мобильный оператор. Опять, наверное, деньги списать. Вместо сообщения я на время глянула. И замерла. До шабаша оставалось десять минут. Уже все – там! А мне ещё дойти надо, и снять пальто, и поздороваться с кем-нибудь для приличия.

Дойти – главная проблема. И из-за туфель, и из-за Яра.

– Опаздываешь? – заметил он беспокойство на моем лице.

– Опаздываю, да, – я убрала мобильник в сумку, резко ее захлопнула. – Приятно было пообщаться, но сейчас правда не до того.

Я развернулась, чтобы уйти, но разве с Яром так просто расстанешься?

– Он дождетя, – крикнул Яр в спину. – Твой черный друг, я точно знаю, умеет ждать.

Я повернула голову назад:

– С чего ты взял, что я иду к нему? Или что я еще не пришла?

Внимательно огляделась в поисках... поисках хоть кого-нибудь, на кого можно отвлечь внимание Яра. И заметила! С той стороны улицы на эту по пешеходному переходу шел парень чуть старше меня, одетый в толстовку, с наушниками в ушах. Волосы у него были черные-черные, цвета вороного крыла. Как у настоящего колдуна... Я, не задумываясь, ломанулась к нему навстречу. И он меня заметил. Поднял взгляд – на секунду в темных глазах мелькнуло любопытство – но потом я быстро взяла все в свои руки.

– Привет... – произнесла, пытаясь улыбнуться. Глазами покосилась в сторону Яра, безмолвно прося о помощи. – А я тебя... жду.

Парень улыбнулся так, будто действительно рад меня видеть. Коснулся предплечья. Произнес медленно:

– Привет. И я тебя.

Голос у него был тихий, но проникновенный и плавный. Я посмотрела на него чуть внимательнее прежнего. Правильные черты лица – только нос, может, чуть длинноват. Родинка над верхней губой. Выразительные брови. И глаза – темно-карие, почти черные глаза. Достаточно высокий для того, чтобы мне опять пришлось поднимать голову к небу, но не такой худой, как Влад, чтобы выглядеть хрупким.

Такого хорошо загримировать – и сойдет за нашего колдуна даже больше каких-нибудь наших колдунов.

Прошло несколько секунд – думаю, эту заминку можно подсчитать проявлением безмерной радости из-за встречи. И когда я уже открыла рот, чтобы ляпнуть что-нибудь ещё, парень произнес:

– Он ушел.

Я обернулась – Яра за спиной, и правда, не было.

– Как ты узнал?

– Думаю, все те, кто шел по пешеходному рядом со мной, заметили ваш разговор, – признался он.

– Правда? – я чуть прищурилась. – Так уж приметно все было?

– Красиво смотрите рядом, – парень мне подмигнул. – Красивые пары всегда притягивают внимание. Бывший?

– Ага, бывший, – согласилась я. – Бывший враг. А сейчас – никто, просто никто. Спасибо за помощь! – я ещё раз взглянула на него. – Но сейчас я очень спешу, правда.

– Скажи хотя бы, как тебя зовут, ожидающая, – попросил он, прежде чем я ушла.

– А что?

Он чуть пожал плечами и ответил:

– Интересно, – и первый протянул мне руку: – Кирилл.

– Прости, – я попыталась улыбнуться, – но я с парнями не знаколюсь. Ни на улице, ни где-либо ещё. Но если уж так любопытно... Яна.

– Красивое имя! – подмигнул мне Кирилл. – Солнечное.

Вот теперь я улыбнулась по-настоящему. Хоть кто-то заценил значение, причем даже не произнесенное вслух. А то все «туча, туча»! Как человека назови, так он себя и поведет. Они называют Тучей, поэтому я и хмурая. Вот звали бы меня Солнцем... Кто-нибудь бы звал...

Я вложила ладонь в его руку – по телу пробежала волнительная дрожь, – и Кирилл улыбнулся мне в ответ. Но ничего больше не сказал. Спустя мгновение рукопожатие распалось – я первой освободила руку. И первой же развернулась, не прощаясь.

Зачем прощаться с тем, кого больше не встретишь? Вот и я считаю, что мы, черные ведьмы, не должны снисходить до такого унижения. Пусть обижаются, что уж. Нам от этого ни холодно, ни жарко.

Хотя нет, вру.

На мгновение – то мгновение, которое длилось прикосновение – внутри что-то все-таки потеплело. Это не могла быть душа – разве черные души могут излучать тепло? Они только поглощают его. Но ведь что-то произошло, верно? Что-то поменялось, механизм запустился, и процесс – необратим, бесконечен...

Я шумно вдохнула воздух.

Сейчас внутренние изменения не имели никакого значения. Ведь я попросту сбежала. И я поступаю так всегда – меняются лишь оправдания.

Глава 2. Сердце требует перемен

К месту шабаша я подошла, опоздав на три минуты. Но так просто влететь в особнячок на полных скоростях я не смогла – всегда входила в него медленно и почтительно.

Очень уж он на меня действовал. Это вам не школа с облезлыми стенами. Настоящее поместье! Двухэтажное здание, вытянутое вширь, построенное из черного камня. Среди серых домов оно казалось вороном среди голубей, а, как известно, вороны – птицы гораздо более умные и гордые. Изящная крыша, широкая главная лестница с витиеватыми перилами, аккуратные балкончики на втором этаже, арочные окна на первом – и желтый свет, проникающий через них и падающий на дорожки парка. Да, тут ещё и парк был. За особняком. С этой стороны его трудно разглядеть, но через заднюю дверь в парк я попадала с легкостью. В общем-то, там я и проводила почти все время, которое просиживала на шабашах.

Я откинула волосы назад и подошла к лестнице. Не так уверенно, как хотелось бы – каблуки, что уж... Но не успела я дойти до входной двери, как она распахнулась самостоятельно, и оттуда выглянула, как ни прискорбно, та самая моя приятельница, Вика.

Вика, изо всех сил косящаяся под стереотипное представление ведьм. Не наших, исконно черных не только душой, но и внешними чертами, а современных, перекачавших в мышление людей из фантастических романов. Летом Вика кардинально изменила образ: она обрехала волосы – как говорила Вика нашей однокласснице, «каре на ножке» – и перекрасила их в темно-рыжий. Глаза у нее от природы зелено-карие, но Вика – я видела это даже отсюда – намазала вокруг что-то изумрудное, чтобы подчеркнуть зеленый оттенок.

Ладно, ладно, я сделала примерно то же самое, но то я! Я же не надевала малахитовое платье, тяжелое, будто сшитое из бархата, с длинными рукавами, присборенными у манжетов. Хотя, если бы оно у меня имелось...

– Яна! – улыбнулась она. – Мы все так тебя ждали.

Я тяжело вздохнула.

Всевышняя, дай мне терпения!

Но прошла целая секунда, а терпение так и не пришло. Поэтому я нервно поднялась ещё на пару ступенек и поинтересовалась:

– Зачем же вам ждать меня, Вика?

– Сама не знаю, – она пожала узкими плечами, – но твоя уважаемая тетя почему-то все ещё молчит. Вот я и подумала: может, дожидается опаздывающую племянницу?.. И решила посмотреть, где же ты идешь. Ты заходи, не бойся, дорогая. Такая гениальная идея пришла в голову одной только мне.

Улыбка Вики стала ещё шире.

Я чуть скривила уголки губ – и все-таки поднялась, что мне ещё оставалось! Подняться по этой чертовой лестнице и было моей первоначальной задачей. Но Вика радовалась так, будто я, как глупая мышка, добровольно приближалась к ловушке.

Хлоп – и нет.

Нервировала она меня жутко, и этим все сказано. И это ее милое лицо, и надменный взгляд из-под густых ресниц (наверняка наклеенные, но выглядят жутко похожими на свои). И тонкая талия, и длинные острые ногти, которые я сама никак не могу отрастить, и кожа без каких бы то ни было дефектов.

Ещё и прическа эта дурацкая – волосок к волоску против моего гнезда.

И туфли на тонких высоченных каблуках – сантиметров пятнадцать, не меньше – на которых Вика стоит так легко и непринужденно, будто обута в тапочки.

Зато я, как назло, на последней ступеньке споткнулась. Вика порхнула ко мне – дверь за ее спиной громко захлопнулась, – и придержала за локоть. Я взглянула на нее, не скрывая своих чувств, и заметила:

– Вообще-то падать я не собиралась.

– Да?.. – отозвалась она. – Прости, но в последний раз, когда ты поднималась по этой лестнице, то чуть не подвернула ногу. Я решила помочь, чтобы это уж точно не повторилось.

– Как ты добра.

– Только по отношению к тебе, – она опустила глаза.

– Можешь не стараться, – я освободилась от ее цепкой руки и распрямила плечи. Незаметно для Вики постигала стопу, проверяя, действительно ли с ней все в порядке. – Если Влад ещё не пришел, то уже и не появится. Он всегда приходит вовремя.

– Ох, Влад?.. А при чем здесь он?..

Вика пару раз хлопнула глазами, но я-то знала, что все она отлично понимает.

Я опустила взгляд и первая шагнула внутрь поместья. Этот раунд остался за мной. Можно было, наверное, даже порадоваться... Но времени на радость уже не осталось.

Я оказалась в затемненной прихожей, но уже через две секунды шагнула в нашу главную залу. Стены здесь были черные, украшенные лепниной; над головой, у идеально белого потолка, летали фиолетовые искры. Но и люстры светили: массивные, переливающиеся горным хрусталем, оставляющим на стенах блики.

Ещё здесь стояли столики с фруктами и миниатюрными пирожными, но столов для ужина не было. Экономят.

Внутри толпились колдуны и ведьмы, чаще всего группами по три-пять человек. Все женщины оделись в темные платья, мужчины – в строгие костюмы. Изредка угадывалось свечение души, но у тех черных, что помладше. Я свою на шабаше скрывала, начиная с пятнадцати лет. А Влад и того раньше. Я его с открытой душой вообще никогда не видела. Или почти никогда...

Голоса, голоса, голоса.

Здесь находились не все собравшиеся: многие разбрелись по комнатам, которых в особнячке было предостаточно. И тетю я тоже не увидела. Может, она как раз пряталась в одном из укромных уголков этого здания.

Оживления, которое у многих ассоциируется с шабашем, не наблюдалось. И правда... Это раньше, во времена моих прабабушек (ни одну из которых я не знаю), на шабашах было весело. Ведьмы бегали голышом по росистой траве, жгли костры и пели песни... А сейчас они (мы?) позаимствовали всякие штучки от белых магов, и шабаш у нас проходит цивилизованно – в строгих одеждах и закрытых помещениях. Не то чтобы я хочу голышом поноситься по земле, тем более, в октябре, но факт остается фактом.

Наследие черных постепенно уходит в небытие.

Когда-нибудь и от нас самих ничего не останется.

Вика встала по правую сторону от меня и заметила:

– Многие пришли на шабаш, не правда ли?.. Ты не собираешься снять плащ?

– Пальто, – поправила ее я. – Собираюсь.

– Гардероб левее, вон та дверь...

– Спасибо, я знаю. – Я покосилась на Вику. – Между прочим, я бываю здесь даже чаще, чем ты.

– Ах! – она качнула головой. – Ты абсолютно права. Снова. Но у меня ведь нет тети, которая организывает шабашу – зачем мне появляться на них часто?

Я не стала ничего говорить: развернулась и ушла снимать пальто. Сдала его в гардероб, где орудовала светловолосая девчонка лет четырнадцати. Принимая его, она взглянула на меня так заинтересованно, что я почувствовала себя неловко.

Звезда. Местного разлива. Куда деваться.

Вика не стала дожидаться моего возвращения: не могла подолгу оставаться без внимания. И сейчас она стояла с двумя черными колдунами – один краше другого. Оба молодые и глупые. Я бы к ним ни за что не подошла. Но Вика, зоркий глаз и изоощренный мозг, махнула рукой и крикнула:

– Яна! Заболоцкая!

Особенно здорово это выглядело, если учесть, что я находилась в одном конце зала, а Вика в другом. И что все это отлично слышали. Я стала пробираться через толпу, здороваясь с встречающимися на пути черными, и таки пришла к Вике по первому зову, как преданная собачка.

– Привет, – поздоровался со мной один из колдунов. Кажется, Артем.

– Привет, – отозвалась я.

Со вторым, Ильей, у которого была проколота бровь, мы просто обменялись взглядами. А потом я посмотрела на Вику, взглядом интересуясь, зачем же я здесь нужна. Не демон ведь я, в конце концов, чтобы меня призывать. И не нечисть. И не комбо.

– Я оказалась неправа. Ты уже тут, а шабаш все ещё не начался, – произнесла Вика.

Я изогнула бровь:

– Это все, что ты хотела мне сообщить?

Илья коснулся моего плеча, задержав на нем руку слишком долго, и я плавно отклонилась, чтобы освободиться. Он хмыкнул. Спросил:

– Ты знаешь, о чем она хочет рассказать?

– Она?

– Твоя тетя.

Я чуть склонила голову, намекая, что не принимаю такое панибратское обращение. Вернее, не принимаю ни от кого, кроме Вики – потому что Вика просто неизлечима. Илья все понял, поспешил исправиться:

– Наталья Андреевна Заболоцкая. Зачем мы здесь сегодня собрались, можешь сказать? Знаешь? – И пробормотал уже тише: – Зануда.

Чтобы меня занудой обзывали – такого не случилось уже давно. Обычно я сама это обзывательство использовала, по отношению к Владу. Поэтому я, конечно, опешила. Но себя постаралась не выдать, улыбнулась и ответила:

– В общих чертах – знаю, умник.

– В общих чертах нам и на приглашении написали, – заметил Артем. Вика рассмеялась, переводя взгляд то на меня, то на парней. – Хотелось бы услышать больше информации из первых рук.

– Тогда единственное, что вам остается – ждать официальной речи моей тети. Тогда информация точно будет достоверной. Как считаешь, Артем?

– Считаю, что Илья прав, и что-то от зануды в тебе действительно есть, – он покосился на друга, а потом вдруг обхватил Вику за пояс. Она смеяться прекратила и со всей вежливостью сняла руку с пояса. Снова пацану не удалось подкатить. Он ведь подкатывал ко мне, да? Я могу собой гордиться?..

Мыслями я вернулась к Яру, которого встретила до шабаша. Насколько я помнила, летом он больше думал об учебе и геройстве, чем о девушках. Но с тех пор все могло измениться. Откуда мне знать, чем он живет сейчас?

Это воспоминание тут же сменило другое. Кирилл. Парень с той стороны дороги, неожиданно пришедший мне на помощь.

В душе зажглась теплая искра (благо, уже через мгновение она погасла), и я заметила уверенно:

– Яна. Меня зовут Яной. Необязательно называть занудой того, чье имя вылетело из головы.

– Оно у тебя не настолько сложное, чтобы его забывать, – просветила меня Вика.

– А ты мне нравишься, Яна, – заметил Артем. Выражение радости на лице Вики после этой фразы поблекло. – Увы, но имя мне твое знакомо, при том, что чужда мне душа. Как звучит?

– Поэт, что ли? – я фыркнула. Артем кивнул, Илья закатил глаза, и я заметила: – Знаю я одного поэта, из ваших современных, и, скажем честно...

– Лучше?

– Лучше, ага. Он лучше. А душа у меня самая обычная.

Тетя прервала нашу бессмысленную беседу.

Она появилась в зале через одну из невзрачных дверей, и о ее появлении оповестил затихающий гул и усилившееся сияние ламп. Я обернулась. Тетя шла плавно, величественно, высоко поднимая голову. На ней было черное платье с открытыми плечами, но длинными рукавами, обтягивающее до талии, а после – юбкой-солнцем укрывающее ноги. Темные кудри лежали совсем непривычно, стали чуть более крупными. Глаза затемнила подводка, губы посветлели благодаря нюдовой помаде.

Я и не сразу узнала ее. Привыкла к совсем другой тете, теплой, домашней. Ведь даже после того, как к тете вернулась память, она оставалась с нами заботливой.

Время не стоит на месте – оно постоянно приносит нам все новые и новые изменения.

Но я надеялась, что внутри тетя осталась прежней.

Тетя прошла в центр зала, словила мой взгляд и улыбнулась уголками губ. Она огляделась вокруг – свет вокруг померк, сосредоточившись вокруг нее. Тетя была королевой этого бала. Настоящей черной ведьмой. Несокрушимой. Сломленной когда-то давно, но сумевшей восстановиться. А такое не каждому дано. Я-то знаю.

Она начала говорить, и голос крыльями воронов поднимался вверх, к высокому потолку. Микрофон не требовался – тетя и без того говорила четко, уверенно, а никто и не собирался мешать этому рассказу, прерывать его шепотками.

Тетя немного рассказала о том, что случилось прежде – не дрогнул ни один мускул на ее лице, – а потом сообщила, что собирается равноправно вернуться. Но, так как из-за ее опустошенного резерва толку от тети как от ведьмы мало, она хочет передать свои знания другим.

Тетя объявила себя наставницей, а в магическом мире это если не редкое, то не слишком частое явление. Колдуны если и берут себе учеников, то так, по одному-два. Об этом общественности не объявляют, договариваются лично. Так отец Владом обзавелся, например. По просьбе бабушки Влада.

У Влада вообще семейство интересное: родители у него не являются колдунами, зато колдуют бабушка по отцовской линии и отец – по материнской. И эти бабушка с дедушкой относятся к издавна соперничающим семьям. Поэтому бабушке всегда было очень завидно, что Влад проводят время с дедушкой. А дедушке – что с бабушкой. И он отдал внука нейтральной стороне. Влад мне как-то на это жаловался, лет пять назад. Говорил, что у него от бабушек-дедушек уже голова идет кругом.

Ну, что взять с тринадцатилетнего ребенка.

У кого-то к такому времени вообще ни бабушки, ни дедушки не осталось.

И если с моими бабушкой и дедушкой по материнской линии все понятно – их для меня как будто не существует, – то вот с родителями моего отца и тети все сложнее. Их отец, известный в те времена колдун, исчез около двадцати лет назад, да так и не вернулся. Официальная версия такова: во время ритуала он затребовал слишком много энергии – ее не хватило, и сердце остановилось, не смев существовать без души. Бабушка Мирослава ушла семь лет спустя, когда мне было четыре. У нее тоже остановилось сердце, да только не из-за колдовства – из-за старости.

Я ее почти совсем не помнила. Знала, что она жила далеко, была такой же талантливой, как тетя, и такой же упорной, как отец. Что у нее были наши с отцом глаза. И что я ей очень нравилась – но маленькая Яна за три встречи этого как-то не осознала.

До одиннадцати лет бабушкой и дедушкой служили мне мамы родители. Все каникулы я проводила у бабушки Кати и дедушки Пети. Кроме мамы детей у них не было, поэтому вниманием меня не обделяли. Своим одиннадцатым летом я уехала от них, так толком и не распрощавшись – знала, что через пару месяцев случится новая встреча.

Встреча не случилась, ну да что мне сейчас об этом жалеть? Я и без того слишком отвлеклась на воспоминания и потеряла нить повествования. Тем более, что в зале стало так тихо... И все почему-то внимательно смотрят на меня.

И тетя в том числе.

Я бросила на нее непонимающий взгляд.

– Да, Яна, – подтвердила тетя, – ты станешь моей первой ученицей. Я расскажу тебе все, что знаю сама.

– Я? – уточнила на всякий случай. По-моему, я прослушала ну о-о-очень многое. – Первой ученицей?..

– Да, – тетя величественно кивнула. – Нужно же мне узнать, как работать с современной молодежью. – Кто-то в зале улыбнулся. – Через пару месяцев к тебе присоединятся другие ученики. Думаю, мне есть, чем поделиться с тобой и твоими ровесниками.

– Такая честь... – пробормотала я. Абсолютно растерялась: что вообще говорят в таких ситуациях? Покраснела. Опустила глаза. Протянула: – Наверное, это было бы неплохо.

Тетя по-доброму усмехнулась.

На этом прецедент был исчерпан.

Шабаш вновь потек своим ходом, все снова разошлись по группкам, а я, чтобы не быть втянутой в очередной бестолковый разговор, поднялась на второй этаж – там было тихо, темно и безлюдно, и вышла на балкон подышать свежим воздухом.

Закат погас, на безоблачном небе проявлялись звезды – брызги краски на темно-синем полотне, подсвеченном красноватым ореолом городских огней. Похолодало – платье из паутины явно не предназначалось для подобных вечеров. Я обняла себя за плечи, но с балкона не ушла.

Подумать только! Я стану ученицей тети. Теперь мне придется усиленно учить биологию, математику, русский язык и магию одновременно. Отличное сочетание... Особенно если учесть, что отец от меня как от ученицы не отказывается. А у него иногда бывают приступы обучения, когда хочется завалить родную дочку кучей всякого материала, чтобы она выгребалась, как могла.

Так всегда происходит. То пусто, что аж делать нечего и хочется демонов вызывать, то густо, что не знаешь, куда прятаться.

Я спряталась на балкон.

И стояла там, разглядывая звездное небо. Не скажу, что в полной тишине – с первого этажа доносились людские голоса и звон бокалов. Но, если ты умеешь абстрагироваться от постороннего шума, это не слишком тебе мешает.

Мое абстрагирование закончилось, когда взгляд, сползший с неба и пробежавший по бусам золотых огней, зацепился за силуэт, сидящий на лавочке у ближайшего к нашему особняку подъезда. Нагнулась вперед, сощурилась. Я ещё не пила, чтобы видеть глюки. И витамин А принимаю, так что куриной слепотой не страдаю. Может, конечно, от учебы зрения скоро лишусь, а пока...

– Яр, – прошептала я.

Сама еле расслышала, что уж говорить о силуэте в сером пальто, с кудрями русых волос?..

– Яр, – повторила чуть громче. За спиной слышались шаги, я обернулась, но никого там не обнаружила.

Нет, так продолжаться не может. Так и крыша съедет, не попрощавшись.

Я сбегала на первый этаж, промчалась сквозь толпу колдунов, словив удивленный Викин взгляд, забежала в гардеробную. Запыхавшаяся, отдала номерок девчонке-гардеробщице и уже через несколько секунд держала в руках пальто. Выходя, столкнулась с тетей и пообещала, что скоро приду обратно.

Она кивнула.

Возникло дежавю: кажется, подобные обещания я ей уже давала, и с возвращением тети памяти ничего не поменялось. Но не могла же я сказать ей, что иду к Яру?.. Даже так – к гипотетическому Яру. Хотя тетя его, конечно, помнит. Должна помнить ещё с деревни. Но разве тогда она знала, что он белый маг?

Зато я – знала.

Всегда знала, с первой встречи, что он дурачок, каких поискать.

Я накинула пальто на платье и сумку, не став его застегивать, и выскочила на улицу.

Нет, и правда! Если задуматься: какой белый маг, находящийся в здравом уме, будет сидеть рядом со скоплением черных так ненапряженно и открыто? Причем я ещё при своей нелюбви к белым – абсолютный адекват. А есть среди нас такие, кто готов их разорвать на лоскутки и продать в качестве сувениров. И я сейчас не шучу. Встречаются на свете психи.

Поэтому, конечно, в стороне остаться я не могла. Чувствовала какую-то ответственность, что ли.

Яр заметил меня, когда я покинула территорию особняка и вышла за кованую черную ограду. Он поднялся, флегмантично глядя на меня. Я нахмурилась. Но приблизилась.

– И снова здарсьти, – пробурчала, не поднимая головы, чтобы не встретиться с его взглядом. – Просто сказать. Совсем рядом, буквально в ста метрах, проходит шабаш черных, и я бы тебе не советовала тут тусоваться. Найди себе лавочку подальше.

– Привет, – отозвался он. – Спасибо. Яна? – Яр замолчал, и мне пришлось поднять голову – и сразу же закратить глаза, чтобы показать всю степень своего недовольства. – Так вот. Я пока что не могу воспользоваться твоим советом.

– Это ещё почему?

– Потому что я жду тебя. А где тот свой вихрастый дружок?

– Какой ещё вихрастый дружок? – не поняла я. – У тебя жаргон похлеще моего. То черные, то вихрастые – и все дружки. И с чего это ты меня ждешь?

– Поговорить.

– Опять? – я улыбнулась. Получилось нерадостно. – Никакая нечисть в округе не бушует. Ну а если и бушует, то это уже не моих рук дело и не моего ума забота. Так что же тебе нужно?

– Ведьма, – произнес Яр, заглядывая в мои глаза. – Что произошло?

– А что должно было?

– Если меня не обманывает память, мы расставались если не друзьями, то хорошими приятелями. Но сейчас ты вновь общаешься со мной, как с недостойным внимания.

В глазах Ярослава отразились огни, но не уличных фонарей и окон – огни его затрепетавшей души.

– Потому что ты действительно не достоин моего внимания, – пробормотала я. Яр расслышал, уточнил:

– Честно? Слишком обидно звучит.

– Куда честнее, белый! – взмахнула рукой. – В общем, я тебя предупредила, и теперь делай с этими предупреждениями, что хочешь. А мне пора. Обратно. И не нужно меня ждать, – я взглянула на него. – Наши пути разошлись ещё летом, и если сам ты этого не понял, то вот – подсказываю.

Яр сложил руки на груди и спросил:

– Что на этот раз?

Я опешила, но уже в следующее мгновение взяла себя в руки:

– Все хорошо. Ровно до того момента, пока не появляешься ты.

– Ещё скажи, ведьма, что и та нечисть – моих рук дело.

– А вот теперь обижаться пора мне!..

Ярослав рассмеялся, но я на провокации не поддавалась, даже не улыбнулась. Уже собралась развернуться и уйти, как Яр произнес:

– Между прочим, я пытался написать тебе ВКонтакте, Яна Заболоцкая.

– Доступ только для друзей, Ярослав Синицын, – отозвалась я. – Друзья – только черные и обыкновенные люди. Ты ни к тем, ни к другим не относишься. Особенный. А потому...

И я сделала несколько шагов по направлению к особняку.

– У тебя пальто съехало с левого плеча, – прозвучало за спиной.

Я, все-таки поправив пальто, обернулась и уточнила:

– Тебе что, совсем нечем заняться?..

Яр, как доблестный капитан пиратского корабля, стоял у лавочки, будто у штурвала, и смотрел вдаль. «Вдалью» являлась я. Поднявшийся ветер встрепал русые волны на его голове. Темнота подчеркивала правильные черты лица, а серое пальто добавляло глазам глубину.

Красивый, что уж! Но глупый, как пробка. Конечно, родиться и красивым, и умным не каждому удается. Мне вот не удалось ни то, ни другое...

Возвращаться в особняк я не стала. Осторожно прошла около забора, своим любимым потайным путем, в парк. Подышать свежим воздухом. Да-да, просто подышать. К тому же, я не одна была такая дурочка. По парку гуляло ещё несколько черных. Кто-то сидел на лавочках, кто-то задумчиво обходил кусты, будто решал важнейшие вопросы мироздания. Быть или не быть? Верить или не верить? Чувствовать или осознавать?

Было темно и грустно ровно до того момента, пока я не заметила кудри тети за одним из желтых высоких кустов, ещё удерживающих непослушные листья на ветвях. Я почти приблизилась к ней, но потом замерла: тетя стояла там не одна.

Кустик, кустик, помоги и сбереги! Я сжалась и замерла. И вот так всегда: вляпаться, значит, не боюсь, а вот спастись трушу...

Пришлось стоять и подслушивать. Очень некрасиво, но что мне оставалось? Нельзя же просто так взять и уйти, извинившись.

Сквозь тьму и листья тетин собеседник различался плохо, но я смогла разглядеть короткие волосы, явно светлые, и темную, под цвет окружающей среды, куртку. Он был намного выше тети, где-то с Влада. И смотрел на тетю внимательно и сосредоточенно, будто боялся, что упустит хотя бы звук, хотя бы взгляд.

– Ты обещал мне умереть, – вдруг произнесла тетя с горечью в голосе. – Почему же ты все ещё здесь?

– Обещал. Но не обещал не воскресать. Теперь, когда ты все вспомнила, я должен быть рядом. Понимаешь, Наташа?

И было в этой Наташе что-то такое... Что-то такое, заставляющее сжаться даже окаменевшее от боли сердце.

Наташа.

Три слога, но чувств – сколько?..

– Теперь, когда я все вспомнила, ты точно не должен быть здесь, – заметила тетя тихо. – Потому что правда может выплыть наружу. Что ты будешь делать тогда?

Мужчина несколько секунд молчал, потом ответил:

– Я придумаю.

– Как глупо...

– Точно. Очень глупо. Глупо было тогда тебя оставлять, смирившись с этой утратой. Глупо было сдаться и не заняться твоим поиском. Время... – на мгновение он замолчал. – Как песок сквозь пальцы. И я не могу позволить себе упустить ещё больше.

– Как видишь, я научилась справляться со всем сама.

– И с сыном?..

– Но ведь...

Последние слова прозвучали, будто в тумане.

И показались бессмысленными, как вся наша жизнь.

Запретный разговор, до того настолько волновавший меня, вдруг перестал иметь всякое значение. Я почувствовала всплеск магии совсем рядом, близко-близко, около души, и закрутила головой, пытаясь увидеть его причину. Вокруг ничего заметного не оказалось, но душа, не желающая успокоиться, сама потянула меня навстречу этой магии. И я направилась за ней.

Я вышла из-за кустов – кажется, какая-то противная ветка злостно хрустнула, разоблачив меня, но мне было без разницы – и побежала в направлении магического всплеска. И я даже не удивилась, когда рядом возник Яр, целый и невредимый, если не считать застрявшего в волосах резного листочка рябины.

Хотя нет. Ярослав затормозил меня на целую секунду. Я спросила у него:

– И что ты тут делаешь? – и заметила следом: – Впрочем, можешь не отвечать.

А потом продолжила путь.

Яр пошел за мной.

Источник магии я обнаружила: им оказалась сияющая чернильно-черная бездна, раскинувшаяся на плитках одной из площадок парка. Диаметр бездна была не больше метра, но сколько силы несла в себе!... Чернота центростремительно сгущалась, точно смерч, и манила, манила, манила... Я шагнула к ней навстречу и осмелилась бы ее коснуться, позволила бы себя поглотить, но Яр взял меня за запястье, пробормотал:

– Ничего, говорит. Яна?

Я его не слушала.

У меня была бездна, и, как уважающая себя черная ведьма, выбирающая между белым магом и черной магией, предпочтение я отдала последней.

Ещё мгновение, и я бы, резко дернувшись, в нее шагнула.

Кажется, давления не выдержало даже мое пальто – все-таки упало с плеч.

Бездна закручивалась, и вместе с ней все больше путались мои и без того глупые мысли.

Тьма, вечная тьма, ни капли света, ничего...

Но за спиной прозвучало:

– Заболоцкая! С кем ты там?

Я обернулась. К бездне мчалась Вика, уже не настолько идеальная, как в начале вечера – чуть размазалась помада в левом уголке губ. Только этот уголок губ меня тогда и смутил – ничего более.

– Не знаю, – отозвалась я. Обернулась к Яру, флегматично взглянула на его ладонь, обвиняющую мое запястье, и полюбопытствовала: – Ты кто?

Яр закатил глаза, но ответил:

– Врач, дорогая.

Прямо перед нами поджидала жертву бездна, но внимание теперь было сосредоточено не на ней.

Этот Яриков дурацкий ответ и его же дурацкая ладонь не остались для Вики незамеченными. Она совсем близко подошла к нам и посмотрела на меня широко распахнутыми глазами. Заметила:

– Ну ты и даешь. Кого ты привела к нам на... собрание? Как он умудрился сюда попасть? И зачем?

– Я жду, – заметил вместо меня Яр. – Жду, пока ваше собрание завершится, чтобы уйти с него вместе с Яной.

– Что?..

Бездна управляла воздушным потоками – они носились возле наших ног и трепали полы одежды. С каждой потерянной секундой – и вправду песок – мне казалось, что бездна бушует все сильнее, и сильнее, и сильнее.

Я вдруг рассмеялась, и Яр с Викторией посмотрели на меня. Ведьма уточнила:

– Ну и в чем причина твоего веселья?

Я опустила взгляд, но ничего не ответила.

Уже в следующее мгновение бездна, обидевшись на невнимание, расширилась настолько, что смогла поглотить нас троих.

Глава 3. День дольше века

Замедленный мир – кисель в голове – пришел в норму через несколько секунд. Кажется, только что мы были на шабаше, а теперь... Мир вокруг изменился, стал плотнее и теплее.

Я распахнула глаза.

Перемещение совершилось – бездна свое взяла. И сейчас мы – все трое, бездна никого не рассеяла на частички – стояли в коридоре с высокими потолками и стенами теплого оттенка. Из арочных окон на пол лился оранжеватый солнечный свет. К потолку крепилась люстра с десятком выключенных лампочек, и это радовало. Радовало тем, что мы находимся все ещё в нашем времени, а не переместились куда-нибудь на триста лет назад. Сама так далеко перемещаться я не пробовала и таких путешественников вживую не видела, но в нашем мире возможно все.

– Ну что, Яр? – поинтересовалась я, бросая взгляд налево. Яр оставался в том же положении, что до перемещения – только руку мою отпустил. Ну и побледнел, хотя это к положению не относится. – Скучно, говоришь, жить тебе было? Теперь будет весело, очень.

– Заболоцкая, – пробубнила Вика. Она, в отличие от Яра, раскраснелась, и идеальная прическа растрепалась, стала похожей на мое гнездо. Впрочем, я-то на себя в зеркало ещё не смотрела. Вдруг там вообще... авария. – И где это мы?

– Не знаю, – призналась я.

Подошла к окну, взглянула вниз. Судя по всему, находились мы на этаже третьем-четвертом, это если учесть высоту этажей. То есть, лететь придется долго, свысока. И некуда. Внизу расстились поля с пожелтевшей травой, где-то вдалеке виднелся лес, необычно красный, даже розоватый. Бежал прозрачный ручей – казалось, открой окно и услышишь его бормотание.

И было в этом что-то такое неродное, но приятное...

– Где-то очень далеко, – заметила я, возвращаясь к ним.

– Опять я влипаю из-за тебя в неприятности! – воскликнула Вика. Потянулась к карманам, но разве у такого изящного платья, как Викино, бывают карманы? Недовольно цокнула: – Ещё и сумку оставила там. Дашь телефон позвонить?

Я достала мобильник – на экране высветилось крупное сообщение: «Нет сети». Молча продемонстрировала его Вике. Тогда она взглянула на Яра и спросила:

– А у тебя как?

– А у меня разряженный, – ответил он просто.

– Собрались!..

Вика подошла к окну, но не удовлетворилась увиденным. Пнула стену, поморщилась. Наградила нас злобным взглядом и спросила:

– И что дальше?

Я попыталась зажечь огонек на ладони, и фокус удался, хотя я и продержала его лишь краткое мгновение. То есть, наша магия была все ещё при нас. Вот только какой с нее толк, в этом неживом пространстве?... Даже если и докопаешься до души какой-нибудь памятной вещицы, что она тебе даст?

– А если... – предложил вдруг Яр, – повторить этот ваш портал? И как-нибудь переместить нас обратно.

– Гениально, – Вика хлопала в ладоши. – Чтобы построить маршрут из точки А в точку Б, нужно знать координаты этой точки А! И точки Б. Без этого даже навигаторы не работают. И это я не говорю о том, что туда надо столько энергии вложить, что тебе, врач Яр, и не снилось.

– Ему вообще наша энергия не снится, – заметила я.

– Кстати, – только сейчас Вика заметила неладное. Краска сползла с лица, заменившись бледностью. – А почему ты так спокойно рассуждаешь о порталах? Ты не напуган и не растерян?

– Я напуган и растерян, – признался Яр, впрочем, совсем не искреннее.

Вика нахмурилась, потом вдруг произнесла:

– Давай хотя бы познакомимся. Вика. Виктория.

– И что означает это имя?

– В каком смысле? – Вика нахмурилась ещё больше. – «Победа» означает, но разве это так важно?

– После одного знакомства – как утверждают очевидцы, неприятного – я уж было решил, что вы всегда называете значение своего имени. Тогда прошу меня простить, Виктория. – Он чуть наклонился, протянул Вике руку, и я поморщилась. – Ярослав, белый маг.

И прозвучало это «белый маг», будто гром среди ясного неба.

– Белый маг? – уточнила Вика тихо. Взглянула на меня – я пожала плечами. Мол, так получилось. И моей вины тут нет ни капельки. Ну разве что в навязывании белым магам ложных стереотипов о наших, ведьмовских, именах. И их значениях.

– Ты тоже не любишь белых магов? – полюбопытствовал Яр. Издевался, точно издевался. И над Викой, и надо мной.

– Да, – согласилась Вика. – Да, я не люблю белых магов. Особенно тогда, когда они приходят на черный шабаш.

– Следует заметить, что на черный шабаш я не приходил. Я приходил за Яной.

– И с какой целью?

– Давно не виделись, – признался Яр. – Два месяца. Яна от меня сбежала.

Вика рассмеялась.

– Это точно, – заметила она, – Яна белых терпеть не может.

И утверждала она это так уверенно, будто знала меня лучше меня самой.

Если бы все было так просто. Если бы...

Я сняла туфли, подняла их с пола и, не обращая на спутников никакого внимания, пошла вперед по коридору – метрах в тридцати виднелся проход, ведущий влево.

– И куда ты собралась? – крикнула Вика мне в спину.

– Пока вы наслаждаетесь обществом друг друга, я попробую отыскать выход, – отозвалась я. – Всего хорошего.

Но, конечно, беда не приходит одна (или, в данном случае, не уходит), поэтому Яр с Викой направились за мной.

– Ну вот найдешь ты этот выход, – заметила Вика, – ну а дальше то что? По лужайке побежишь?

– Яна решает проблемы по мере их поступления, – ответил за меня Яр. На мгновение стало приятно – помнит. Но потом вернулось раздражение.

Вика хмыкнула.

– Это точно. Кто-то сказал, что Яна его найдет?

– Надо верить в свою... м-м-м... коллегу, – заметил Ярослав. Сразу видно, нашел человека, который с ним разговаривает, и теперь не собирается молчать. Ходила я как-то в гости к однокласснице, дома у которой жил говорящий попугай. Так тот тоже всех затыкал, сообщая всему миру, какой он, Тоша, хороший мальчик и любимая птичка.

– Мы еще и одноклассницы, – отозвалась Вика, – с самого первого класса, так что я на личном опыте знаю, что в Яну лучше не верить.

– Это когда я так успела тебе жить испортить? – не вытерпела я.

– При чем тут я? – Вика хмыкнула. Мы повернули, и на мгновение я даже поверила, что сейчас-то все поменяется, сейчас перед нами предстанет выход из этого замка, спасение... Но

за поворотом продолжался все тот же оранжевый коридор. – Ты портишь жизнь самой себе и людям, которым ты, к великому моему сожалению, равнодушна.

– Например?

– Владу, – ответила она просто.

Мы повернули налево, но ничего, кроме направления, не поменялось. Все тот же высокий потолок над широким коридором. И все тот же свет, хотя окон здесь не было.

Ярослав взглянул сначала на Вику, потом на меня – я недружелюбно поморщилась – и уточнил:

– Черному другу, что ли?

– Ты и с Владом знаком? – рассмеялась Вика.

– Было дело... Вместе решали кое-какую загадку. И если вам интересно мое мнение, дамы...

– Мне неинтересно, – вмешалась я.

– ...то портить жизнь вашему Владу просто необходимо. Слишком он хорошо живет. Яна, – Яр наградил меня недовольным взглядом, – ты так и не научилась дослушивать своего собеседника?

– Дослушивать собеседников меня учит кое-кто другой, – пробормотала я.

– А мне тоже было неинтересно, – отозвалась Вика, – но я тебя, белый маг и врач Яр, дослушала. Пожалуйста.

Подумалось вдруг, что если бы я всегда всех дослушивала, то облегчила бы себе жизнь в два раза. Взять даже сегодняшний разговор тети и ее таинственного собеседника. Если бы я продолжила его слушать, а не бросилась к бездне, то была бы все ещё на шабаше.

Но ведь бездна меня звала.

Я на секунду остановилась и посмотрела на Вику:

– Ты не чувствовала зов бездны?

– Не чувствовала. Я вообще проходила мимо, смотрю – тут ты, и рядом какая-то подозрительная личность... – протянула она. – И подошла. Волнительно стало за Яночку-дурочку. Конечно, не надо было волноваться. И приближаться к тебе. Пора было уже запомнить это правило: подойдешь к Яне Заболоцкой – вляпаешься в приключение. Вот сегодня, кстати, ты ушла из школы, а я из-за тебя задержалась и повстречалась с классной, хотя мне очень этого не хотелось, и...

– А ты? – спросила я у Яра, вновь не дослушав чей-то рассказ.

– Нет. Не чувствовал.

– А зачем тогда бежал рядом?

– За тобой...

Я закатила глаза:

– Как будто я решила совершить самоубийство и бежала на крышу, а ты, герой-самоотверженец, решил меня спасти.

– Ради справедливости, ведьма, почти так все и вышло.

– Между прочим, я рассказываю, – привлекла к себе внимание Вика. – Теперь мне из-за тебя, Заболоцкая, назначили две недели дополнительных занятий. По их скромному мнению, я прогуливаю. Я? Прогуливаю? Я занимаюсь своими делами! Но зато сейчас... Бинго! – она коварно улыбнулась. – Если ты находишься у черта на куличках, то на занятия ходить не можешь, логично?

Я хлопнула и отвернулась.

Мы ещё минуты две ходили по коридорам, а потом вышли в особенный, полный дверей. Вот только кому нужны двери, если они заперты? Мы проверили каждую из них, некоторые даже по два раза, а то и по три. Поддалась лишь последняя, самая скромная. И только после

того, как Ярик подозрительно долго у нее простоял. Раздался щелчок, я быстрее Вики подбежала к Ярославу и спросила, пока он не распахнул дверь полностью:

– Ты ее взломал?

– Ещё чего, ведьма, – отозвался Яр. – Как ты могла обо мне такое подумать?..

– Значит, взломал. – И выдала: – Молодец. Сделал полезное дело.

Ярослав, набравший воздух, чтобы что-нибудь мне ответить, поперхнулся. Как будто и правда не взламывал. Подошла Вика, отлично слышавшая наш разговор, произнесла:

– Вот мне, Ян, интересно, если кто-нибудь взломает твою квартиру, ты тоже так скажешь? Дверь тем временем распахнулась, и Яр не постеснялся войти внутрь.

Я же тем временем рассуждала:

– Если этого кого-то запрут на нашей лестничной клетке, может, и скажу. К тому же, долго у меня в гостях этот несчастный не просидит.

– Ты и правда думаешь, что твой знаменитый домовый тебя спасет? – Вика вскинула брови.

– Да, – отозвалась я, – я и вправду так думаю.

– Наивненько.

Она изящно шагнула через порог – Яр уже находился в комнате и чем-то практически шуршал.

Я шагнула следом, едва не споткнулась.

А потом мы обе замерли. Яриковой практичности нам не хватало. А вот удивляться умели обе... пожалуй, лишь пока что.

Мы стояли на самой обычной современной кухне. Ладно, на дорогой и стильной современной кухне. Слева – столик с широкими ножками и несколько стульев возле него. Справа – встроенные темные шкафы, плита, микроволновая печь, серебристый холодильник и черный чайник. Кран, отражающий солнечные блики. К нему Яр и подошел. Поднял ручку вверх – из крана полилась вода.

– Такое ощущение, – заметил Ярослав, – будто здесь все готово для того, чтобы на днях сюда кто-то заселился.

– Такое ощущение, – передразнила его Вика, – что кто-то уже заселился.

Я наконец-то оставила туфли в покое, бросила их на пол – лишь бы не забыть! – и подошла к гарнитуру. Открыла один из шкафчиков. Крупа. Гречневая, рисовая, овсяная. Но не русского производства. В основном этикетки были написаны на английском, на паре упаковок – на немецком, я узнала его благодаря артиклям и умляутам. Вика уже открывала холодильник. Увы, никаких овощей, творожков и прочей скоропортящейся любви там не было, но нашлись консервы с коровами на банках. И вода. Здесь лежало с десятков двухлитровых бутылок воды.

– Не пропадем... – отозвалась Вика. – Тушенка и водичка. Давно хотела сесть на диету. Хм, а электричество тут работает?

Выключатель мы нашли только спустя пять минут, он прятался за одним из шкафов. Щелкнули – и загорелся свет – лампочки в белоснежном потолке.

– Кто-то о нас позаботился... – протянула я.

– Если следовать логике, не о нас, а о тебе. Ведь портал был настроен на тебя, – пояснила Вика. – На тебя одну... Если он звал только тебя, – поспешила добавить она. – А с нами – мужчина, — Вика поглядела на Ярика и сощурилась. – Ладно, некто мужского пола. И он, если следовать логике, жрет много. Или вы жрете энергию солнца, например, или воздуха?

– У вас очень стереотипное представление о белых, – Яр вздохнул.

– Так разве их! – воскликнула Вика. Она подошла к столу и заняла один из стульев. Закинула ногу на ногу – свои высоченные туфли Вика так и не сняла – и улыбнулась.

Я молча проследовала к ней и тоже села. Конечно же, менее элегантно. Едва не промахнувшись.

– И что я должен делать?

– Слепи нам что-нибудь съедобное. В твоём распоряжении все эти шкафы с их содержимым и техника. Главное, нечаянно не напичкой наш ужин своей магией. Тогда я поверю, что с пищеварением у вас все в порядке.

Яр вновь подавился воздухом – очень уж его поражала наглость черных, видимо – и полюбопытствовал:

– Почему я должен что-то вам доказывать?

– Тебя ведь самого бесят эти... стереотипы. А я устала. И Яна устала. Ведь так, Заболоцкая? – Вика взглянула на меня, и я нехотя кивнула. – Видишь? Не ради меня, так ради своей подружки.

– Он мне не дружок, – заметила я.

– Она мне не подружка, – согласился Яр.

– А кто? – хитро улыбнулась Вика.

Ярослав вздохнул, молча повернулся к шкафам и стал рыться в них, отыскивая ингредиенты. Наверное, и правда решил что-то нам приготовить. Конечно же, приступить к этому занятию надо было после нелепого Викиного вопроса. Без пинка же никак не получается.

И Вика, не посмевающая упустить возможность чем-то задеть меня, взглянула предвкушающе и спросила:

– И все же, кто тебе этот белый, если не друг?

– Враг, – ответила я просто. Мне показалось, что Яр вздрогнул, но Вика этого не заметила, поэтому я сочла все за самообман. – Ты же сама знаешь, что я не вожу дружбу с белыми.

– Ах, эти принципы, – Вика взмахнула рукой. – Люди ведь меняются.

– Меняются, – согласилась я. – Но не изменяют себе.

Все работало: и плита, и микроволновка, и даже в шкафу кто-то бережно составил кастрюли, одной из которых Яр и воспользовался. Он приготовил нам гречку с тушенкой. Залил воду, закипятил, посолил, минут двадцать варил крупу, потом, воспользовавшись открывашкой-штопором, вывалил содержимое банки в кастрюлю. Не прошло и часа, как ужин – или обед, или завтрак – был готов. Вика за это время успела известись, а я... Я погрузилась в раздумья и ждала.

Последние три месяца безысходность посещала меня слишком часто.

Что делать?

Совершить пробежку, что ещё. Штанов вот только не прихватила.

Ярослав разложил кашу по трем тарелкам, подал нам вместе с вилками и сел сам. И все – молча. Я нехотя зацепила кашу вилкой, попробовала... И удивленно взглянула на Яра:

– Я и не думала, что ты умеешь готовить.

– Я умею все, – отозвался он нескромно. Но тут же поспешил оправдаться: – На самом деле, это простой рецепт.

– Ага, простой, – отозвалась Вика. – Я такое уже в десять лет варила. В походах. Но, если учесть ограниченные продукты и незнакомую обстановку, вполне неплохо.

– В следующий раз нам ты что-нибудь приготовишь, – предложила я. – Что-нибудь сверх-гениальное.

Я поднялась, чтобы наполнить чайник водой и закипятить его, и в спину мне полетело:

– Надеюсь, до следующей готовки не дойдет.

– Думаешь, ты выберешься отсюда так быстро? Мы же для этого даже ничего не делаем. Сидим, вон, и едим.

И, точно иронизируя над самой собой, я взяла чайник и поднесла его к крану. Зашумела вода, прерываемая словами Вики:

– Думаю, что да. Нас должны искать. Тебя точно должны.

– Почему именно меня? – уточнила, ставя чайник на подставку. Щелкнула кнопкой – загорелась синеватая подсветка – и я вернулась к себе на место.

Вика посмотрела на меня, как на дурочку, откашлялась и начала:

– У тебя отец – один из самых могущественных магов нашей страны. Это если откинуть скромность. Тетя – ещё более могущественный маг, она вернулась спустя несколько лет и созвала шабаш, о котором теперь ещё будут полгода трепать языками. Объявила тебя своей ученицей – нонсенс! И тут ты берешь – и исчезаешь. Прямо с того самого шабаша.

Я рассмеялась:

– Звучит неубедительно. Я часто исчезаю, и пока никто не объявлял тревогу. Отец привык, что мы видимся с ним пару раз в месяц.

– Ладно, пусть так, – Вика кивнула. – А твоя тетя?

– Ей сейчас не до того, как считаешь?

– Ладно-ладно. А Влад?

– А с Владом мы сейчас видимся раз в неделю, а то и реже, – я прищурилась. – Не слишком ли ты много спрашиваешь?

– Нормально, – отмахнулась она. – О тебе беспокоюсь. И оправдания твои звучат неубедительно, если откровенно. Бедная-бедная Яна, никому она не нужна, никто о ней не беспокоится... – Вика повернулась к Яру:

– А у тебя что? Тоже бедная сиротка?

– Примерно, – отозвался Яр. – Я вам историю своей жизни, может, позже расскажу. За столом такое не обсуждают.

Вика цокнула.

– Все так плохо? – уточнила она, и Ярослав кивнул. – Грустно? А что самое грустное из этой истории: то, что когда Ярику было пять лет, ему не купили игрушечку, о которой он так мечтал?

– То, например, что, когда Ярику было восемь, у него умерла мать, – произнес он равнодушно. – Почему у вас, ведьм, такая дурацкая привычка прибавлять к именам уменьшительные суффиксы?

– Ещё один, – пробурчала Вика. Но замолчала, не став отвечать на вопрос Яра.

Он взглянул на меня, не став задавать вопросы вслух, но я все же ответила:

– Да, и я живу без мамы.

– Тоже нет?.. – уточнил он, и только тогда я заметила в его глазах вкрапления боли, маскирующиеся под серебро.

– Есть, – я опустила глаза. – Но не у меня. Так получилось.

Так она сама выбрала.

Доедали в тишине. А потом я ещё посуду мыла. Гости гостями, но порядок надо соблюдать, ведь так? Самим ведь потом придется есть из этих тарелок. На что бы там не надеялась Вика.

Конечно, есть люди, которым я нужна. По крайней мере, были. Пока я со всеми не перессорилась – или пока я всех не разочаровала.

После ужина – это оказался все-таки ужин – мы ещё пару часов исследовали замок, но не нашли больше ничего путного. Ярик взломал пару дверей, в этот раз взломал наверняка, но за ними оказалась ничемная пустота. Повезло только с третьей попытки – там стояли две уютные кровати и прикроватные тумбочки. Над ними висела абстрактная люстра. Вот и все.

Когда мы обнаружили эту комнату, небо уже клонилось к западу – приближалась ночь. А если учесть, что у нас, дома, ночь должна была наступить ещё раньше... Черные ведьмы обычно совы, и мы с Викой держались бодро. А вот Яра разморило – он на пару секунд прикрывал глаза, распахивал их, бормотал что-то и шел следом за нами.

– Может, тебе пора отдохнуть? – я кивнула на одну из кроватей.

– Отдохнуть? – он лениво приоткрыл глаз и взглянул на меня. – Нам надо искать... И вообще-то я не устал.

– Да, он не уста-а-ал, – согласилась Вика, демонстративно зевая. – А вот я устала. Очень хочу проспать. Но кроватей тут всего две. Я лягу, он ляжет. А тебя куда, бедняжка? – она посмотрела на меня.

– На полу переночую, – улыбнулась я. – Хотя, на самом деле, изначально я думала, что мы с тобой переночуем вместе.

И все-таки скривилась.

Ночевать с Викой на одной кровати не хотелось. Но ещё больше не хотелось ночевать на одной кровати с Яром. Или, что ещё хуже, предлагать Вике и Яру переночевать вдвоем. Жалко, наверное, Яра было. Не себя ведь...

– Если ты не знала, – Вика нахально посмотрела на меня и вздохнула, – я традиционной ориентации. Поэтому спать с тобой согласна только под разными одеялами. Если мужчина уступит... – она покосилась на Яра.

– Уступаю, – он кивнул на кровать у себя за спиной. – Располагайся, поспишь вместе со мной. Под одним.

Вика цокнула.

– К несчастью, я сохраняю верность тому, кому выбрала, – отозвалась она загадочно. И поспешила нахамить: – Некоторым из нас не понять. И лучше уж я посплю с Яной, чем с тобой, парень. Страдай.

– Страдаю, – отозвался Яр равнодушно.

Да.

Ищем выход.

Я подошла к кровати, той, что стояла напротив Яра, бросила за нее туфли, с которыми бегала, точно с маленьким ребенком, и сдернула коричневое покрывало. Одеяло отбросила в сторону, оставила его традиционной Вике, а сама залезла на кровать, завернулась в покрывало и отвернулась к стене.

Красивая гладкая стена.

И пахнет сносно.

Тогда это было почему-то очень важно.

– Ты уже спишь? – поинтересовалась Вика.

В комнате горел один лишь ночник, хотя и на тумбочке возле кровати Яра, но спастись даже с таким малейшим светом я не могла. Поэтому и отозвалась:

– Нет.

– А раздеться не собираешься?

– Актуальное предложение.

Вика, цокая каблуками, прошла по комнате, потом воскликнула:

– О! Тут ещё туалет есть. И душевая.

– Естественных потребностей пока не имею...

– Я тебе и не предлагаю. Может, это Ярославушке надо. Ярославушка? Какое ж имя глупое все-таки...

– Ещё лучше... – отозвался недовольно маг. – Я тоже пойду спать.

Вика вновь прогулялась от края до края – не так уж далеко было гулять, в самом деле – и предложила:

– А, может, в карты? Спать совсем перехотелось.

Я повернулась и посмотрела на нее как раз в тот момент, когда Ярослав стягивал с себя джемпер.

– Карты? – уточнила, старательно сдерживая себя от того, чтобы не перевести взгляд на Яра. Зато Вика стеснения не испытывала: она во все глаза уставилась на мага, произнесла:

– Я передумала. Не хочешь полицезреть? – и кивнула на Ярослава.

Джемпер Яр осторожно повесил на спинку кровати. Я заметила это боковым зрением – голову так и не повернула. Сила есть, воля есть, да и к тому же...

– Что я там не видела? – отозвалась я.

– О-о-о, – протянула Вика не то недовольно, не то удивленно. А Ярослав смутился, про-
бормотал:

– Пожалуй, больше я ничего снимать не буду.

– Как пожелаешь, – отмахнулась Вика. Она подошла к кровати, прикоснулась к моему боку: – Ну что? Ложись вообще-то с краю. Мне стремно ночью оказаться на полу. Кто знает, может, ты во сне буйная?

Она присела на кровать и вытянула ноги, решила:

– А в карты мы завтра сыграем. Когда вернемся и станем отмечать возвращение.

Желания спорить не возникло. Я поднялась, укрытая покрывалом, точно плащом. Сползла с кровати и замерла в ожидании. Посмотрела на соседей: сначала под одеялом скрылся Яр, а затем Вика, которая через минуту вытащила из-под него бархатное зеленое платье.

И все же с разными одеялами она правильно придумала.

Я, легшая на кровать первой, вернулась на нее последний. Отвернулась от Вики, пере-
секлась глазами с Яром.

– Спокойной ночи, – сказал он тихо.

– Спокойной ночи.

– И от меня того же, – заметила Вика.

Щелкнул выключатель, и комната погрузилась в темноту. Я честно попыталась уснуть – но груз впечатлений навалился на плечи и засыпать не давал. Пролежав минут двадцать с закрытыми глазами, я перевернулась на спину и стала разглядывать потолок.

В платье было жарко и неудобно. Волосы спутались, а расчески тут не нашлось. Непри-
вычно было спать на таком мягком матрасе и большой подушке, и слышать дыхание Вики справа было неловко, и даже тьма казалась какой-то иной, чужой.

Я вытащила руку из-под покрывала – паутинки за все то время, что я проходила в пла-
тье, успели отпечататься на коже. Зажгла огонек, совсем маленький, на кончике пальцев. И услышала едва заметный вздох.

Резко развернувшись, я заметила взгляд Ярослава, который неотрывно следил за мной. Потушила огонек, спросила тихо:

– Я тебя разбудила?

– Нет, – отозвался он. – Не спится.

– В джинсах спать жарко? – попыталась пошутить я.

– Типа того.

– Такними их...

– Как ты там тогда сказала? – на лице Яра появилась улыбка – я разглядела ее очертания. –
Актуальное предложение?

Я хмыкнула, но тут же прикрыла рот рукой: вдруг разбужу соседку? Столько крика тогда
будет!

Осторожно отбросив покрывало, я ступила на пол, поправила скомкавшуюся юбку и
заозиралась в поисках двери, о которой говорила Вика. Приметила ее почти сразу.

– Если ты ко мне, то я здесь, – Яр махнул рукой.

– Ещё чего. Я в ванную. Смыть всю эту красоту, – я махнула ладонью около лица. Смот-
реть на то, что стало с моим макияжем, было страшно. – Вдруг за нами придут уже через десять
минут, и я не успею подготовиться.

– А среди спасителей, случаем, не будет того твоего черноволосого? – вдруг поинтере-
совался Яр.

– Влада? – уточнила я, стараясь не выдать волнение.

– Нет. Влад ру-у-усый, хотя и шифруется. Я про другого. Того, к которому ты сбежала во время нашей первой сегодняшней встречи.

Вика заворчалась. Я быстро взглянула на нее – но нет, соседка по несчастью продолжала спать. А потом посмотрела на Ярика и ответила, скорее для самой себя:

– Может, и будет. Мне бы этого... хотелось. Наверное.

– Наверное? – уточнил Яр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.